

(hidden)

Веруйте в свет, да будете сынами света!

[Ин. 12:36]

Епископ Иларион (Алфеев)

Home / About the site / About the author

26

❖ БИОГРАФИЯ ❖ БИБЛИОГРАФИЯ ❖ КНИГИ ❖ ПЕРЕВОДЫ ❖ СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ ❖ КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
❖ ИНТЕРВЬЮ ❖ РЕЦЕНЗИИ ❖ АУДИО-И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ ❖ НОВОСТИ ❖ ФОТОГРАФИИ ❖ РАЗНОЕ ❖ ГОСТЕВАЯ
КНИГА

Отобразить меню

Искать

➤ Главная страница / Избранные статьи, доклады /

 Версия
для печати

ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, досточтимые отцы,
братья и сестры!

Для меня большая честь и огромная радость выступать перед вами,
ректорами, профессорами и студентами православных богословских
учебных заведений.

В моей жизни многое связано с духовным образованием. В разное время
мне пришлось преподавать Священное Писание Нового Завета,

догматическое богословие, гомилетику, патрологию и древнегреческий язык в различных духовных и светских учебных заведениях в России и за ее пределами.

Однако, в отличие от большинства из присутствующих, я не представляю на этой консультации никакую духовную школу. «Привилегированное» положение частного лица дает мне возможность высказать открыто и прямо, не боясь задеть чье-либо достоинство или чьи-либо интересы, то, что я думаю о сегодняшних проблемах богословского образования и возможных путях их решения. Я буду исходить прежде всего из российского контекста, хотя то, что я скажу, может иметь отношение и к некоторым учебным заведениям вне России.

Мне представляется необходимой *радикальная реформа* российской православной духовной школы.

Такая реформа нужна прежде всего потому, что научно-богословский уровень наших духовных семинарий и академий соответствует сегодня стандартам 2-й половины XIX (хотя в чем-то и им уступает). Традиция богословского образования прервалась в России после революции 1917 года. Она, правда, продолжалась на Западе и дала миру замечательных православных богословов, таких как протоиереи Сергей Булгаков, Георгий Флоровский, Александр Шмеман, Иоанн Мейендорф, архимандрит Киприан (Керн), профессора А. В. Карташев, В. Н. Лосский, и многие другие. Однако их книги, по которым Запад узнает о Православии, пока еще не вошли в учебный обиход российских духовных школ: более того, немалое число преподавателей духовных школ относится к этим книгам с недоверием, усматривая в них «неправославные взгляды». Достижения современного западного богословия тоже практически игнорируются в наших духовных школах.

Для того, чтобы наше богословское образование приблизилось по своему научному уровню к современным стандартам, необходимо, как мне кажется, пересмотреть наши *учебные программы*. Наверстать упущенное за семьдесят лет будет нелегко: для этого потребуются немало усилий. Но если их не приложить, мы рискуем так и остаться в гетто, так и не выйти на уровень современной мировой богословской науки.

Кроме того, я глубоко убежден в том, что нам необходим новый подход к некоторым аспектам *учебного процесса*, новые методы воспитания, новая трактовка дисциплинарных правил, новая концепция взаимоотношений между преподавателем и студентом. Наши духовные семинарии и академии унаследовали от дореволюционной «бурсы» (духовной школы) некоторые воспитательные методы, от которых, как мне кажется, нам необходимо срочно избавляться. Никакое возрождение духовного образования в Русской Церкви невозможно до тех пор, пока эти методы сохраняются.

I. Учебные программы

Начну с конкретных замечаний и предложений по учебным программам.

1) *Священное Писание*

Главным пробелом в курсах Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, которые читаются в российских духовных школах, является, на мой взгляд, полное невнимание к достижениям современной библейской критики. Запад в течение последних десятилетий продвинулся в изучении Библии необычайно далеко; у нас же в качестве основного источника сведений по библейской критике используется в лучшем случае «Толковая Библия», составленная А. П. Лопухиным и его учениками в начале века, на заре развития библейской науки.

Я не призываю к тому, чтобы знакомить православных студентов со всеми многочисленными концепциями протестантских и светских ученых относительно предполагаемых авторов тех или иных библейских книг, подлинности или неподлинности отдельных фрагментов Библии. Многие из этих концепций устаревают, не успев появиться на свет, и угнаться за ними невозможно. Но нельзя и игнорировать весь тот богатейший материал, который накоплен библейской наукой к концу XX столетия.

Перед православным библеистом стоит огромная задача: найти правильный подход к библейской критике, выбрать из ее арсенала то, что может иметь ценность для православного ученого, отбросив все лишнее и ненужное. Но для того, чтобы быть в состоянии осуществить этот отбор, преподаватель Священного Писания должен сам владеть всем арсеналом современной библейской учености.

Этим арсеналом пользуются в наше время все, кроме православных: католики и протестанты, баптисты и сектанты, представители иных религий и атеисты. Последние, кстати говоря, используют данные библейской критики в своей борьбе с религией. Хотя бы только ради того, чтобы противостоять натиску антирелигиозной пропаганды, православному христианину необходимо знать основы библейской критики. Об этом говорил пятьдесят лет назад профессор А. В. Карташев:

В неизбежно предстоящем Русской Церкви... миссионерском походе по обширному лицу родной земли нельзя обойтись одними устарелыми средствами из арсенала нашей научно-богословской отсталости. Чтобы бить врага на всех его кажущихся передовыми и научными позициях, нужно самим владеть оружием новейшей научной техники. Но для этого нужно ее сначала творчески воспринять, усвоить и преобразить в лоне церковного богословия и церковной истины [1].

Другим аспектом изучения Библии в духовных школах должно быть

систематическое знакомство с экзегезой библейских и евангельских текстов в трудах Отцов Церкви, в богослужебных текстах, в церковном Предании. Православный христианин должен уметь читать Священное Писание в контексте Предания, уравнивая и восполняя сведения, полученные при знакомстве с библейской критикой, тем, что можно узнать о Библии из опыта Церкви.

Целесообразно ввести в духовных школах специальные курсы по библейской экзегетике, например «Толкование Нового Завета в александрийской богословской школе», «Толкование Ветхого Завета в православной литургической традиции», «Святоотеческие толкования на Песнь Песней», и т. д. Необходимы также спецкурсы по библейской археологии, по кумранистике, по географии Нового Завета и другим многочисленным отраслям современной библейской науки.

2) Догматическое богословие

В наших духовных школах догматика чаще всего преподается на основе схоластических схем, вошедших в богословский обиход на средневековом католическом Западе и через Киевскую академию проникших в русские духовные школы в XVII—XVIII столетиях. Например, первый раздел догматического богословия — «Учение о Боге» — включает в себя такие темы: «семь свойств сущности Божией», «пять свойств воли Божией», «четыре свойства ума Божия», и так далее. На Западе эти схемы давно уже вышли из употребления; у нас же они остаются и продолжают некоторыми восприниматься как незыблемая основа, на которой должна строиться православная догматика. После этого не приходится удивляться тому, что студенты духовных школ воспринимают догматику, мягко говоря, без энтузиазма.

По моему глубокому убеждению, схоластические схемы нужно окончательно изгнать из преподавания: они только разрушают в человеке веру и препятствуют воспитанию его в духе Предания Восточной Церкви. Преподавание догматического богословия в духовных школах должно строиться на основе Священного Писания и учения Святых Отцов Церкви.

Возьмем, к примеру, тот же раздел «Учение о Боге». Он может включать в себя такие темы:

1. Непостижимость Божия;
2. Имена Божии;
3. Апофатическое и катафатическое богословие;
4. Свойства Бога;
5. Сущность и энергии Бога.

Все эти темы подробно разрабатывались Святыми Отцами. При этом тема

«непостижимости Божией» может раскрываться на материале антиевномийских сочинений Великих Каппадокийцев и святителя Иоанна Златоуста. Тему «имен Божиих» можно рассматривать на материале творений святителя Григория Богослова, преподобного Ефрема Сирина и автора Ареопагитского корпуса, у которых она наиболее полно развита. Материалом для темы «апофатическое и катафатическое богословие» могут служить сочинения святителей Григория Нисского и Григория Богослова, Корпус Ареопагитикум и др. Тему «свойства Бога» можно раскрыть на основе соответствующего раздела в «Точном изложении православной веры» преподобного Иоанна Дамаскина. Наконец, для раскрытия темы «сущности и энергий Божиих» можно воспользоваться сочинениями святителя Григория Паламы.

Помимо библейского и святоотеческого материала, в преподавании догматики можно, конечно, пользоваться такими современными пособиями, как лекции по догматике Вл. Лосского, построенные целиком на святоотеческом материале. Я уверен, что при таком подходе догматическое богословие будет интереснейшим и увлекательнейшим предметом.

Догмат — основа жизни православного христианина. Все наше богослужение построено на догматах. Священник, не знающий догматов, подобен врачу, который не знает самих основ медицины.

Увы, отсутствие интереса к догматике у некоторых представителей нашего духовенства и православного студенчества нередко становится причиной полной богословской безграмотности.

Приведу несколько примеров. Однажды я принимал экзамен по догматике у студентов-заочников 3-го класса духовной семинарии. Большинство из них было уже в священном сане. Я построил экзамен по принципу отделения «овец» от «козлиц»: я задавал вопросы, и если у отвечающего обнаруживалась ересь, он садился на левую сторону, а если ереси не обнаруживалось, он шел на правую сторону. Так вот, к концу экзамена почти все сидели на левой стороне. Один студент мне, например, заявил, что «Отец родил Сына, чтобы спасти род человеческий». Другой на вопрос «Что такое апофатическое (отрицательное) богословие?» ответил: «Это когда говорят, что Бога нет». Третьего я спросил: «Сколько природ Вы признаете в Иисусе Христе?» Он ответил: «Две природы». Я спросил: «А сколько естеств?» Ответ: «Одно естество». Вопрос: «Как же так: природы две, а естество одно?» Ответ: «Вот именно: одно естество в двух природах». И после этого мы удивляемся, что наши прихожане не разбираются в догматах. Если пастыри таковы, то чего же спрашивать с овец?

А вот уж совсем курьезный пример. Пришел ко мне послушник одного большого монастыря (сейчас он, наверное, уже иеромонах или архимандрит) сдавать экзамен по догматике за второй класс духовной семинарии. Он сказал: «Батюшка, задайте мне легкий вопрос; я целыми днями на послушаниях, учиться некогда». Ну, я его и спрашиваю: «Сколько Лиц в Святой Троице?» Послушник задумался, закатил глаза. Я ему говорю: «Вы, может быть, Их в уме считаете?» После продолжительного тяжкого

раздумья он сказал: «Одно Лицо». Я его спросил: «Почему же тогда мы веруем в Троицу, если Лицо одно?» Он ответил: «Батюшка, я же просил вас не задавать трудных вопросов; я послушник, мне учиться некогда». И это не анекдот, а случай из моей собственной преподавательской практики.

3) *Мистическое богословие*

Одной из причин, по которой догматика кажется нашим студентам сухим и малоинтересным предметом, является то, что она преподносится как бы вне контекста духовного опыта христианина — так, будто «сухие догмы» не имеют прямого отношения к тому, что мы называем «жизнью в Боге», «жизнью во Христе», духовным и мистическим опытом.

Между тем, существует самая тесная и прямая связь между догматом и духовной жизнью; между тем, во что человек верует, и тем, как он молится; между догматическим содержанием веры и ее выражением в личном опыте христианина. Евагрий-монах говорил в IV веке, что богослов — это тот, кто истинно молится [2]. От того, насколько серьезно воспринимаем мы догматы веры, зависит, в конечном счете, насколько окажемся мы способны приблизиться к Богу, к вершинам духовной жизни, святости и обожения.

В связи с этим я хотел бы поставить вопрос: не следует ли ввести в духовных школах отдельный курс «мистического богословия»? Кому-то, может быть, не понравится название «мистическое»: назовите это, как хотите, но дайте студентам возможность знакомиться с тем, что является сердцевинным содержанием христианской жизни — с непосредственным опытом богообщения, которого удостоились святые подвижники христианской Церкви.

Отсутствие у нас такого предмета, как мистическое богословие, приводит к тому, что студенты не изучают ключевые темы святоотеческой традиции: видение Бога, созерцание Божественного Света, обожение человеческого естества.

В качестве материала для курса мистического богословия в духовных школах можно использовать сочинения вышеназванных и других Отцов и учителей Церкви. Книга В. Лосского «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», а также труды Н. Арсеньева, мало известные в России, могли бы служить хорошим подспорьем для преподавателя.

Курс мистического богословия, по-видимому, может включать и такие темы, как «мистическая традиция Западной Церкви», «мистицизм вне христианства», «ложный мистический опыт» и т. д. Однако эти темы должны рассматриваться уже после того, как будут изучены основы мистической традиции Православной Церкви.

Почему важно, например, изучение западного мистицизма? Хотя бы потому, что православный пастырь должен уметь видеть различие между духовным опытом восточных и западных подвижников. Отсутствие глубоких знаний в этой области приводит, как правило, к крайностям. У нас есть

священники, которые ставят Франциска Ассизского и Терезу Авильскую в один ряд с Симеоном Новым Богословом и Серафимом Саровским — просто потому, что не хотят или не умеют замечать различий между западным и восточным мистицизмом. С другой стороны, некоторые пастыри огульно отрицают весь западный мистицизм как заблуждение и диавольское прельщение. Не потрудившись познакомиться даже с самыми основными произведениями западной мистической литературы, такими как «Подражание Христу» Фомы Кемпийского, эти пастыри основывают свои суждения о западном мистицизме или на антикатолической литературе прошлого века, или на атеистических брошюрах, изданных в советское время.

Ни для кого также не секрет, что многие наши современники увлекаются восточным нехристианским мистицизмом. Для того, чтобы быть в силах дать адекватный ответ таким людям, священник должен сам знать хотя бы основные аспекты вне-христианского мистицизма. Опять же, для такого знания недостаточно чтения обличительной литературы: нужно знакомиться с первоисточниками.

Православный священник должен уметь отличать духовность от прелести, «духа истины» от «духа заблуждения», истинный мистический опыт от ложного.

Я как-то посоветовал одному студенту почитать книгу «Старец Силуан» и другие сочинения приснопамятного архимандрита Софрония (†1993). Студент меня спросил, насколько «надежны» книги отца Софрония с точки зрения православной духовности. Я ему ответил, что, во всяком случае, эти книги (они переведены более чем на двадцать языков) являются настольным чтением православных монахов во всем мире, в том числе на Святой Горе Афон. «А нам говорили, что отец Софроний был в прелести», — сказал студент. Я тогда спросил: «Почему бы Вам самому не прочитать хотя бы одну из его книг? Если Вы увидите, что там есть прелесть, закройте книгу и поставьте на полку; а если увидите, что нет, читайте и радуйтесь, что нашли прекрасное духовное чтение». Студент на это ответил вопросом: «А вдруг я не сумею отличить прелесть от истинной духовности?» Я сказал: «Если Вы, будущий пастырь, не в состоянии отличить духовность от прелести, чему же вы собираетесь учить ваших прихожан?»

В продолжение этого разговора группа студентов задала мне вопрос: «Сейчас издают большое количество литературы на духовные темы. Но про одни книги говорят, что в них — прелесть, а про другие — что в них ересь. Как быть?» Я им ответил примерно так: «Дорогие братья, книга — это не враг ваш, а друг; не источник зла, а источник знаний. Тем более если речь идет о книге, написанной православным автором и изданной по благословию церковных властей. Если, боясь впасть в прелесть, вы закроете для себя доступ к богатствам и сокровищам православной духовности, вы не только не станете полноценными пастырями, но и не сможете сами проникнуть в суть христианства».

Вот для чего необходимо преподавать мистическое богословие в

духовных школах. У пастыря Православной Церкви не должно быть страха перед «духовностью» как таковой; он не должен бояться читать книги по вопросам духовной жизни; он должен знать, что такое истинно православный мистический опыт и что такое ложный мистицизм. Только в этом случае он сможет быть подлинным духовным наставником, умеющим отделять свет от тьмы, способным мудро руководить своей паствой.

4) Аскетика

В русских дореволюционных духовных школах преподавалась аскетика — предмет, который отсутствует в учебных программах многих современных духовных учебных заведений. По моему глубокому убеждению, такой предмет совершенно необходим для будущих пастырей Церкви.

Что такое «трезвение» — искусство борьбы с помыслами? Что такое «борьба со страстями»? Что такое вообще «страсть»? Что такое «грех»? Что включает в себя понятие христианского «целомудрия»? Почему целомудрие необходимо и в монашестве, и в браке? В чем смысл монашества? Каковы основные монашеские обеты? Как бороться с унынием? В чем смысл и духовное значение поста? Для чего православный христианин совершает поклоны? Каковы основы молитвенной практики Православной Церкви? Ответом на эти и многие другие вопросы должен быть систематический курс аскетики.

Отсутствие такого курса в наших духовных школах приводит к тому, что студентами не изучаются такие памятники монашеской письменности, как «Изречения Отцов пустыни», «Духовные Беседы» преподобного Макария Египетского, «Лествица» преподобного Иоанна Синайского, «Добротолубие», писания святителя Игнатия Брянчанинова, святого Иоанна Кронштадского, преподобного Силуана Афонского и других.

Аскетика — не специфически монашеская учебная дисциплина. Всякий христианин должен знать основы аскетической практики и уметь воплощать их в жизнь. Отцы-подвижники Древней Церкви писали не только для своих собратьев-монахов, но и вообще для всех аскетически настроенных верующих. Вот почему до сих пор для многих православных христиан их сочинения являются «хлебом насущным». Вот почему многие миряне ежедневно читают и изучают эти сочинения. Не изучают их (во всяком случае, систематически) только студенты духовных академий и семинарий.

5) Патрология

Преподавание патрологии у нас нередко сводится к заучиванию основных вех биографии того или иного Отца Церкви и самому поверхностному ознакомлению с отдельными аспектами его учения. В некоторых духовных школах лекции по патрологии читаются раз в неделю в течение одного года: тридцать учебных часов — по часу на каждого «Отца».

По моему мнению, во многих богословских учебных заведениях России

должна быть пересмотрена сама концепция преподавания патристики. Не зазубривание дат, но изучение наследия Святых Отцов — вот что должно быть главным содержанием курса патрологии. Недостаточно лишь знакомства с цитатами из Отцов по учебнику: необходимо читать их сочинения целиком. Студентам надо привить вкус к чтению святоотеческой литературы. Более того, нужно стремиться к тому, чтобы изучать Отцов в подлиннике — на греческом, латинском и других языках.

Недостаточно также знакомства с Отцами ранней Церкви и Отцами Вселенских Соборов. Следует изучать поздне-византийских авторов (Григорий Палама, Симеон Солунский, Николай Кавасила) и греческих Отцов периода османского владычества (Никодим Святогорец). Необходимы специальные курсы по русской патрологии (от митрополита Илариона и Максима Туровского до Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, Иоанна Кронштадского и Силуана Афонского), по сирийской христианской литературе (Ефрем Сирийский, Исаак Сирийский и др.) и другим национальным традициям церковной письменности.

Патрология — важнейшая учебная дисциплина для будущих пастырей. Перед нами стоит задача не только читать и любить Святых Отцов, но и мыслить по-святоотечески. Иными словами, мы должны уметь применять то, что говорили древние Отцы, к сегодняшнему дню, рассматривать современные проблемы через призму святоотеческого опыта. Надо отдавать себе отчет в том, что далеко не на все вопросы, волнующие человечество в XX веке, можно найти ответы в сочинениях древних Отцов. Поэтому важно усвоить дух святоотеческого богословия, а не только его букву.

Успеху христианства в IV веке во многом способствовало умение Отцов Церкви того периода говорить на языке своего времени, отвечать на вопросы, которые ставила перед ними жизнь. Святоотеческое богословие не было «устаревшим»: оно шло и развивалось в ногу со временем. Оно не было отвлеченным теоретизированием, не было абстрагированным от того, чем жили люди. Относительный неуспех христианской миссии в современном мире во многом связан с тем, что богословие развивается по своим законам, а жизнь мира идет своим чередом. Богословие превратилось в оторванную от реальности науку, которой интересуются только «специалисты».

И конечно, нужно учиться не только мыслить, но и жить по-святоотечески. Это задача глобальная, задача всей жизни. Но первые шаги на этом поприще могут быть сделаны уже во время обучения в духовной школе.

б) Философия

Святые Отцы Церкви, такие как Григорий Богослов, Василий Великий, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст и другие, изучали философию в течение многих лет. О пользе философии Климент Александрийский говорил так: «...Философия есть поистине искусство правильной мудрости, дающее опыт

в вещах жизненно важных; она — твердое познание того, что касается Бога и человека; некое прочное и непоколебимое обладание, скрепляющее воедино настоящее, прошедшее и будущее» [3]. А святитель Григорий Богослов писал: «Нет ничего более непреборимого, чем философия, ничего более неуловимого. Все может ослабеть, только не философ... Непреодолимы только двое — Бог и ангел; а третий — философ, нематериальный в материальном, неограниченный в теле, небесный на земле, бесстрастный в страданиях» [4].

В наших духовных семинариях философия или вовсе не изучается, или читается самое поверхностное «Введение в философию», от которого в памяти студентов остаются лишь имена отдельных философов. Даже в академиях философия не изучается систематически.

В прошлом веке ученики бursы решали вопрос: «Спасется ли Сократ и другие благочестивые философы язычества или нет?» [5] Современным семинаристам не всегда известно даже имя Сократа. Помню, я спросил одного семинариста на уроке: «Какие имена античных философов вы знаете?» Он сказал: «Платон». — «А еще?» — «Аристотель». — «Ну, а еще?» — «Фаллос». Очевидно, он имел в виду Фалеса. Но спрашивать дальше было невозможно: весь класс смеялся.

Мне представляется совершенно необходимым углубленное изучение античной философии студентами духовных семинарий и академий. Без достаточной подготовки в этой области студент не сможет читать и адекватно воспринимать такие сочинения, как, например, «Источник знания» преподобного Иоанна Дамаскина, и многие другие произведения Отцов Церкви.

Необходимо также изучение западной средневековой философии, знакомство с немецким идеализмом, с экзистенциализмом и другими философскими течениями нового времени. Все это существенно обогатит кругозор православного пастыря, будет способствовать его интеллектуальному и духовному развитию.

7) Литургия

Преподавание литургии в наших духовных школах, как правило, сводится к заучиванию наизусть различных рубрик Типикона, вроде «порядок утреннего богослужения на Благовещение, если оно совпадает с Великим Вторником». Такой случай — совпадение Благовещения с Великим Вторником — может встретиться один или два раза за пятьдесят лет церковной деятельности того или иного священнослужителя. Какой смысл заучивать наизусть порядок этого богослужения, когда можно перед началом службы заглянуть в Типикон и служить в соответствии с тем, что там написано? Не проще ли научить студентов духовных школ пользоваться Типиконом, чем заставлять их зубрить «Марковы главы», «имже несть числа»?

Мне думается, что литургия должна была бы прежде всего раскрывать

перед учащимися дух и смысл православного богослужения. Литургику нельзя сводить к урокам богослужебной практики. Должно изучаться литургическое богословие. Студентов надо знакомить с историей Литургии, с историей богослужений суточного и седмичного кругов, с годичным кругом церковных праздников.

Более того, следовало бы систематически изучать богослужебные тексты с точки зрения их богословского, догматического содержания. Отец Павел Флоренский считал, что православная догматика должна быть ничем иным, как систематизацией догматических идей богослужения [6]. А святитель Игнатий Брянчанинов называл православное богослужение духовной школой, в которой человек может научиться «всему необходимому на поприще веры» [7].

Скажем прямо: наши верующие, за редким исключением, не понимают смысла многих богослужебных текстов. Если песнопения и молитвы, которые звучат в храме ежедневно или еженедельно, еще более или менее знакомы рядовому верующему, то те, что исполняются раз в год (на Страстной Седмице, на двенадцатые праздники), как правило, проходят мимо его внимания. Причина этого — не только в использовании церковнославянского языка. Такие сложные произведения византийской поэзии, как канон праздника Пятидесятницы, даже прочитав по-русски, невозможно с первого раза усвоить на слух: их содержание нужно специально изучать. И уж во всяком случае, одна из главных задач духовной школы состоит в том, чтобы помочь студенту войти в обладание богатствами литургической поэзии и литургического богословия.

Богослужебные тексты Православной Церкви — это наше живоносное наследие, которое надо знать и любить. В догматическом плане их значение ничуть не меньше (а может быть, даже больше) сочинений Святых Отцов Церкви. То, что богослужебные тексты не изучаются в духовных школах, является огромным упущением.

8) Гомилетика

Преподавание гомилетики в некоторых наших духовных школах поставлено очень плохо. Сам подход к проповеди является, на мой взгляд, принципиально ошибочным.

Вот, например, как студент одной из духовных школ России готовит свою проповедь. Преподаватель дает ему тему и схему, по которой эту тему следует раскрывать. Студент пишет проповедь, потом показывает преподавателю. Последний «исправляет» текст, то есть вычеркивает все живое, индивидуальное, нестандартное. Потом студент обязан заучить «исправленную» версию своей проповеди наизусть и в назначенный день произнести ее перед другими студентами в семинарском храме после вечерней молитвы. Отклонения от одобренного текста не допускаются. Можно ли таким путем воспитать проповедника?

Студента заставляют говорить на искусственном, устаревшем языке. На

уроках гомилетики в качестве учебного материала рассматриваются проповеди авторов прошлого века, вроде архиепископа Иннокентия Херсонского или протоиерея Григория Дьяченко. Сколь ни хороши эти проповеди сами по себе, они, конечно, безнадежно устарели как по языку, так и по содержанию.

Результатом уроков гомилетики в духовной школе нередко является то, что студенты, выйдя из ее стен, оказываются неспособными говорить на нормальном человеческом языке, не могут донести слово Христово до слуха своих прихожан. Почему бы не предложить студентам в качестве образцов проповеди наших современников — митрополита Сурожского Антония, протопресвитера Александра Шмемана?

Нужно учитывать также, что современному священнослужителю приходится не только проповедовать в храме, но и выступать перед различными аудиториями вне его стен, в том числе по радио и телевидению. Слушателями священника могут оказаться люди, далекие от Церкви, которых убедит только живое, здоровое и трезвое слово, а не проповедь в стиле XIX века, написанная заранее и прочитанная по бумажке.

Мне кажется, что преподаватель гомилетики должен всячески развивать в студентах способность к импровизации. Очень часто священник оказывается в ситуации, когда от него требуется произнести слово экспромтом: времени на подготовку тогда вообще нет. Если священник не приучен говорить с ходу, он в такой ситуации теряется, произносит что-то бессвязное, неубедительное.

9) Сравнительное богословие

Во многих духовных школах сравнительное богословие является ничем иным, как слегка осовремененным «обличительным богословием» прошлого века. Студенты изучают всевозможные «заблуждения» протестантов и католиков, их «отклонения» от Православия, но не узнают ничего о реальной жизни верующих этих конфессий.

В некоторых случаях преподаватель сравнительного богословия, как кажется, ставит своей задачей воспитать в учениках фанатичную ненависть к инославия. Такой подход унаследован некоторыми нашими духовными школами от дореволюционной бурсы. Известный «летописец бурсы» Н. Г. Помяловский писал об этом фанатизме в третьей четверти XIX века:

В бурсацком фанатизме, как и во всяком фанатизме, нет капли, нет тени, намек нет на чувство всепрощающей, всепримиряющей... христианской любви. По понятию бурсацкого фанатика, католик, особенно же лютеранин — это такие подлецы, для которых от сотворения мира топят в аду печи и куют железные крючья. Между тем всякий бурсак-фанатик более или менее непременно невежда, как и всякий фанатик. Спросите его, чем отличается католик от православного, православный от лютеранина, он ответит бестолковее всякой бабы, взятой из самой глухой деревни, но несмотря на

то, все-таки будет считать своей обязанностью, своим призванием ненависть к католику и протестанту [8].

Мне кажется, что современных студентов духовных учебных заведений необходимо воспитывать в духе терпимости и открытости по отношению к другим конфессиям. Мы живем не в Средневековье и даже не в XIX веке. Надо учитывать, что многим будущим священнослужителям нашей Церкви придется жить в мультиконфессиональном обществе. Должно быть четкое видение различий, но и не менее четкое сознание того, что у христиан самых разных деноминаций есть общая догматическая основа, общая вера в Святую Троицу, вера в Иисуса Христа как Бога и Спасителя.

На уроках сравнительного богословия недостаточно указывать на слабые стороны других конфессий: нужно обращать пристальное внимание на их сильные стороны. Только когда православный священник будет знать о сильных сторонах инославных Церквей, в его руках будут необходимые средства для диалога с ними. Если же в духовной школе студент узнает только о слабых сторонах иных конфессий, всегда сохраняется реальная опасность того, что, встретившись с представителями этих конфессий в жизни, он окажется безоружным и неподготовленным.

Преподавание сравнительного богословия у нас нередко бывает идеологизированным; преподаватель навязывает студентам свои взгляды. Ни для кого не секрет, что как среди профессоров, так и среди студентов православных духовных школ встречаются люди, по разному настроенные по отношению к инославным конфессиям. Бывает, что преподаватель сравнительного богословия оказывает систематическое давление на студентов, которые отличаются более широким, чем он, взглядом на инославие. По моему глубокому убеждению, каждый студент вправе иметь в этой области, так же как и в других, свое мнение; и преподаватель должен это мнение уважать.

На уроках сравнительного богословия необходимо знакомить студентов не только с историей, но и с современной жизнью инославных Церквей. Необходимо изучать не только богословские отклонения этих Церквей от Православия, но и вообще их богословскую и духовную традиции.

По-моему, следовало бы приглашать и самих представителей других конфессий для встречи со студентами и ответов на их вопросы. Кто-нибудь скажет: как это в православной духовной семинарии появится протестантский пастор или баптистский проповедник? Но ведь в реальной жизни нашим священнослужителям придется встречаться и с протестантскими пасторами, и с баптистскими проповедниками. Почему же не подготовить их к этим встречам заранее?

10) Мировые религии

Во многих наших духовных школах не изучают систематически мировые религии — ислам, иудаизм, буддизм. Если же изучают, то, опять же, с той точки зрения, насколько и в чем они «заблуждаются», то есть отличаются

от христианства.

Возьмем, к примеру, ислам. Когда эта религия появилась и стала распространяться в VII веке, христиане восприняли ее как одну из многочисленных новых ересей, периодически появлявшихся на окраинах Византийской империи. Преподобный Иоанн Дамаскин в начале VIII века обозвал ислам «обманчивым заблуждением измаильтян» и «предвестием антихриста», включив его в список христианских ересей под номером 101 [9]. К концу XX столетия ислам превратился в одну из ведущих мировых религий, насчитывающую около миллиарда последователей. Диалог с исламом станет одним из приоритетных направлений в христианском богословии третьего тысячелетия. Можно ли в этих условиях ограничиваться лишь самым поверхностным знакомством с исламом, которое получают студенты наших духовных школ? Не следует ли подумать о более основательном изучении Корана и исламской богословской традиции, мусульманской этики и мистики, молитвенной и аскетической практики?

11) Древние и новые языки

В духовных академиях и семинариях изучение древних и новых языков должно вестись на высоком уровне. Преподавание языков — один из тех случаев, когда полезно обратиться к опыту русских духовных школ XIX века. Напомню, что греческий и латынь в прошлом столетии изучали в гимназиях. В духовных семинариях и академиях студенты уже читали сочинения классических авторов и Отцов Церкви в оригинале. Под руководством профессоров они переводили тексты Святых Отцов на русский язык. Многотомные русские собрания творений Святых Отцов в значительной степени являются плодом переводческой деятельности студентов Московской, Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской духовных академий.

Во многих современных духовных семинариях греческий и латынь преподаются в течение одного года, причем одновременно. В результате студенты, как правило, не идут дальше алфавита и самых элементарных основ грамматики. В академиях на изучение древних языков отводится больше времени, но опыт показывает, что только те студенты выходят из академий с более или менее приличным знанием языков, которые работают самостоятельно. Что же касается учебных программ, то они рассчитаны на такой минимум филологических знаний, который не позволяет выпускнику академии даже свободно читать Евангелие на оригинальном языке, не говоря уже о сочинениях Святых Отцов.

По моему убеждению, интенсивное преподавание древних языков должно начинаться с 1-го класса духовных семинарий и продолжаться в течение всего периода обучения без перерыва. Выпускники семинарий должны как минимум уметь читать Евангелие по-гречески и знать основы латыни. Выпускники академий должны хорошо знать по крайней мере один из древних языков в такой степени, чтобы быть в состоянии работать с текстами Отцов Церкви в оригинале.

В наших духовных академиях лишь немногие студенты изучают древнееврейский. Что касается других древних языков, таких как сирийский, арабский, эфиопский, коптский, армянский, грузинский, то они вообще не изучаются.

Я не призываю к тому, чтобы превратить духовные учебные заведения в лингвистические университеты; но нельзя также допустить, чтобы они оставались на уровне «ликбезов». Надо дать хотя бы тем студентам, которые интересуются церковными науками, возможность основательно изучать древние языки.

Преподавание новых языков у нас тоже поставлено плохо. Лишь немногие выпускники семинарий и академий (как правило, те, которые до того учились в специальных языковых школах) способны свободно изъясняться на иностранном языке. В наше время, когда рушатся границы и мир становится столь тесным, знание хотя бы одного европейского языка необходимо для всякого выпускника духовной семинарии. Что же касается выпускника академии, кандидата (магистра) богословия, то он должен, свободно владея хотя бы одним трех европейских языков (английским, французским или немецким), читать на двух других. Это — тот языковой минимум, без которого не может обойтись ни один современный православный богослов.

12) Некоторые другие учебные дисциплины

Есть некоторые дисциплины, которые, как мне кажется, необходимо ввести в curriculum духовных учебных заведений. Например, пастырская психиатрия. Многие наши священники совершенно не разбираются в вопросах, связанных с областью психической жизни человека, не умеют отличать феноменов духовной жизни от психических заболеваний. То, что принимается за грех уныния, нередко является тяжелым психическим состоянием, требующим не прещений и епитимий, а тонкого и углубленного врачевания.

С точки зрения Православия и церковного предания, — писал еще 50 лет назад архимандрит Киприан (Керн), — нет основания видеть какого-либо препятствия для применения психиатрических и психоаналитических данных в деятельности пастыря. Психиатрия нисколько принципиально не противоречит пастырству, не должна ему мешать... Берясь за нелегкое дело душепопечения, пастырь должен... не ограничивать своей подготовки к душепопечению одними учебниками пастырского богословия, нравственного богословия и аскетики, но познакомиться хотя бы в некоторой мере с требованиями психологии и пастырской психиатрии. Это нисколько не повредит его «духовности» и православности [10].

Еще одним предметом, который следовало бы ввести в обиход духовных школ, является агиология. В духовных семинариях и академиях жития святых читаются ежедневно за обедом, однако не делается никакой попытки научного осмысления этого рода духовной литературы. В чем особенности жития как литературного жанра? Насколько житийный канон соответствует исторической действительности? Что известно о тех или

иных святых древней Церкви? На эти и другие подобные вопросы должен отвечать курс агиологии.

Есть, с другой стороны, такие учебные дисциплины, которые, как мне кажется, можно было бы без ущерба упразднить в духовных школах. К числу таковых относится, например, «библейская история», которую преподают в 1-м классе семинарии: она, по сути, представляет собой краткий пересказ библейских сюжетов, которые потом повторно изучаются в курсах «Священного Писания Ветхого Завета» и «Священного Писания Нового Завета» во 2—4 классах семинарии. Если уж читать курс «библейской истории», то речь в нем должна идти об историческом контексте библейских книг, с привлечением современного научного материала. Но такой предмет — не для 1-го класса семинарии.

Следовало бы отказаться от преподавания катихизиса в духовных семинариях. Эта учебная дисциплина сводится к заучиванию наизусть цитат на славянском языке из «Пространного христианского катихизиса», составленного святителем Филаретом Московским в прошлом столетии. Не говоря уже о том, что филаретовский катихизис сам по себе устарел, метод его изучения, употребляющийся в наших духовных семинариях, абсолютно неприемлем.

II. Учебный процесс

Перейду теперь к замечаниям, касающимся некоторых аспектов учебного процесса в российских духовных семинариях и академиях.

1) Лекция, семинар, спецкурс, экзамен

Во многих наших духовных школах учебный процесс строится по следующей схеме. Преподаватель во время урока читает лекцию по своему предмету, а студенты ее конспектируют. На следующем уроке преподаватель опрашивает нескольких студентов по содержанию предыдущей лекции. Лучшим считается ответ студента, который, по возможности, заучил лекцию наизусть и повторил ее близко к тексту. В конце учебного года проводится экзамен, во время которого каждый студент вытягивает «билет» и устно отвечает на один, два или три вопроса по прочитанному курсу. Если ему повезло и он знает вопрос, содержащийся в его билете, он получает хорошую оценку; если нет — плохую.

В чем главный недостаток такой системы? В том, что в течение учебного года студент приобретает лишь некую сумму сведений по каждой учебной дисциплине, но от него совершенно не требуется самостоятельная работа. Студент — лишь пассивный слушатель, лишенный возможности творчески подойти к изучаемому предмету. Эффективность усвоения материала при таком подходе минимальна, а польза от прочитанного курса ничтожна.

Нам нужна новая концепция лекции. Преподаватель не должен стремиться к тому, чтобы исчерпать свою тему в течение лекции: он должен

лишь ввести студентов в проблематику этой темы, поставить перед ними вопросы, а ответы на вопросы они должны искать сами. После каждой лекции необходимо давать студентам список литературы по данной теме. Опрашивать их следует не по содержанию лекции, а по содержанию того, что они сами прочитали.

Такой метод, во-первых, способствует развитию творческого потенциала студента, так как предполагает самостоятельное освоение материала. Во-вторых, он дает возможность студенту, самостоятельно изучив материал, прийти к своим собственным выводам — может быть, отличным от тех, которые предлагает ему преподаватель. Ответ студента в таком случае должен оцениваться не исходя из того, насколько точно он воспроизвел выводы своего преподавателя, а исходя из того, насколько полно он изучил рекомендованную литературу. Преподаватель обязан уважать собственное мнение студента, если последний умеет его обосновать.

Для лучшего усвоения учебного материала необходимо проведение семинаров по каждой рассматриваемой теме. Семинары дают возможность студентам не только самостоятельно работать, но и обмениваться мнениями между собой, обсуждать поставленные вопросы с преподавателем. В наших духовных школах, как правило, семинары не проводятся: учебный процесс ограничивается лекциями и опросами.

Еще одной формой преподавания, которая игнорируется во многих российских духовных школах, является спецкурс — цикл из пяти, восьми, десяти лекций и семинаров, позволяющий более детально и подробно изучить какой-либо конкретный аспект той или иной богословской дисциплины. Общим свойством многих учебных дисциплин является огромный объем изучаемого материала, который не позволяет ни преподавателю, ни студентам углубиться в подробности. Спецкурсы призваны хотя бы частично решить эту проблему. Если, например, курс патрологии построен так, что не удастся посвятить одному церковному автору больше двух учебных часов, но при этом в течение года прочитываются спецкурсы по отдельным авторам или отдельным аспектам их учения («Триадология Оригена», «Антропология доникейских Отцов», «Учение блаженного Августина о Святой Троице», «Защита иконопочитания в трудах преподобных Иоанна Дамаскина и Феодора Студита», и т. п.), это, несомненно, поможет студентам лучше ориентироваться в богатейшем материале свято-отеческой письменности.

Экзамен в конце года должен быть серьезным, подробным и продолжительным. Недостаточно устного опроса в течение трех-пяти минут, как это практикуется в некоторых духовных учебных заведениях. Необходимо, чтобы студенты отвечали на вопросы письменно в течение одного, двух или более часов.

Именно такая система экзаменационных опросов существует во многих западных университетах, например, в Оксфорде. Там никто не следит за «посещаемостью»: пойти или не пойти на лекцию зависит только от самого студента. Но, как правило, никто не пропускает лекции, потому что знает: не прослушав лекцию, невозможно ориентироваться в обширном

библиографическом материале по данной теме, а без этого невозможно хорошо подготовиться к экзамену.

Студенческие работы не должны оцениваться предвзято. В некоторых наших духовных школах случается, что преподаватель, невзлюбивший того или иного студента, намеренно занижает ему оценки. Бывает, конечно, и обратное — когда оценки искусственно завышаются. В связи с этим уместно напомнить о том, что во многих светских учебных заведениях существует система, при которой на экзаменационных работах студентов ставится не их фамилия, а некий цифровой код, неизвестный экзаменатору: тем самым возможность несправедливой оценки практически исключается. Не стоит ли нам взять эту систему на вооружение?

2) *Самостоятельная работа*

Заблуждается тот преподаватель, который думает, что его задача — дать своим ученикам лишь некую сумму сведений по изучаемому предмету. Задача учителя заключается в том, чтобы помочь ученикам максимальным образом раскрыть свой творческий потенциал. Главной целью лекций и семинаров, как мне представляется, должно быть то, чтобы заинтересовать студентов изучаемыми темами, вдохновить их на самостоятельную работу. Именно в самостоятельной работе должен заключаться центр тяжести учебного процесса в духовных школах.

Будущего пастыря надо приучать самостоятельно мыслить, самостоятельно работать, самостоятельно отвечать на вопросы. К сожалению, приходится признать, что в некоторых наших духовных школах делается все, чтобы *отучить* человека мыслить, работать, ставить вопросы и искать на них ответы. Иных студентов систематически преследуют только за то, что они в своих научных изысканиях выходят за рамки, предусмотренные учебными программами; за то, что выделяются среди прочих, не довольствуясь заучиванием наизусть тех или иных преподанных им сведений, но стремясь пойти дальше и работать самостоятельно; за то, что изучают иностранные языки более углубленно, чем того требует преподаватель. Таких студентов обвиняют в неблагоданности, неправославии и гордости.

Нет лучшего средства отучить человека от самостоятельной работы, да и вообще отбить у него всякую охоту к учению, как заставлять его зубрить уроки, проглатывать заранее пережеванную пищу. Такой «бурсацкий» способ преподавания давно вышел из употребления в западных светских учебных заведениях, но он кое-где еще сохраняется в наших православных духовных школах. Лучшую характеристику дал ему уже цитированный выше Помяловский:

Главное свойство педагогической системы в бурсе — это долбня, долбня ужасающая и мертвящая. Она проникала в кровь и кости ученика. Пропустить слово, переставить букву считалось преступлением... Что же удивительного, что такая наука поселяла только отвращение в ученике?.. Ученик, вступая в училище из-под родительского крова, скоро чувствовал, что с ним совершается что-то новое, никогда им не испытанное, как будто

перед глазами его опускаются сети одна за другою, в бесконечном ряде, и мешают видеть предметы ясно; что голова его перестала действовать любознательно и смело... а в словах — удивительно! — нет мысли, как бывало прежде... Под конец занятия у прилежного ученика голова измается; в ней не слышно ни одной мысли... Невесела картина класса... Лица у всех скучные и апатические, а последние полчаса идут тихо и, кажется, конца не будет занятию. Счастлив, кто уснуть сумел, сидя за партой: он и не заметит, как подойдет минута, возвещающая ужин [11].

Некоторые студенты современных духовных школ, вероятно, с печалью узнают свое учебное заведение в этих словах, написанных почти полтора века назад.

Русский писатель очень верно подметил характерную особенность «бурсацкого» типа воспитания: на глаза учащегося словно набрасывают сети. Казалось бы, учебная программа должна быть построена так, чтобы перед учеником открывались все новые и новые горизонты, а вместо этого его словно все больше и больше ограничивают, всячески препятствуя ему самостоятельно мыслить. В результате человек выходит из духовной семинарии зашоренным, закомплексованным, запуганным.

Один мой друг, священник, делился со мной воспоминаниями об уроках литургии в духовной семинарии. Главным методом преподавания, говорит он, было запугивание. «Во время литургии нельзя делать то-то и то-то»; «на вечерне недопустимо совершить ошибку в том-то и том-то»; «один пономарь не вынес свечку на великом входе, и вот, с ним случилось то-то и то-то». «После этих уроков, — говорит мой друг, — я не могу служить литургию; все время боюсь что-нибудь не так сделать». Иными словами, преподаватель, вместо того, чтобы привить будущим священникам любовь к литургии, раскрыть перед ними богатства и глубины православного богослужения, научил их одному: паническому страху допустить ошибку.

Русская пословица гласит: «Не ошибается только тот, кто ничего не делает». Нельзя внушать студентам боязнь ошибиться. Всякий человек, который работает самостоятельно, который подходит к делу творчески, допускает ошибки. Но, как говорит другая пословица, «на ошибках учатся». Если студент проделал большую работу и пришел к ошибочным выводам, это все же намного лучше, чем если бы он *не* допустил ошибку только потому, что не работал самостоятельно, а лишь зубрил то, что услышал от преподавателя.

Многие наши студенты испытывают крайнюю неудовлетворенность теми методами обучения и теми учебными программами, которые существуют в духовных школах. Не имея условий для самостоятельной работы, они пытаются сами их для себя создать. Один мой знакомый священник проучился четыре года в семинарии, потом четыре — в академии. Его как-то спросили: «Как же вам удалось сохранить способность мыслить?» Он ответил: «В последние пять лет учебы, начиная с четвертого класса семинарии, я во время лекций затыкал уши ватой и читал книги — творения Святых Отцов, философскую литературу. Другого выхода у меня не было».

Еще один мой знакомый, учась в духовной семинарии, разработал свою собственную параллельную программу, по которой самостоятельно занимался. «Осенью я буду изучать Платона,— говорил он мне,— зимой — Аристотеля, весной думаю перейти к стоикам. Каждый день я по часу читаю Отцов Церкви, по полчаса занимаюсь греческим и по полчаса — латынью». Кто-то может спросить: откуда у этого семинариста было столько свободного времени? Отвечу: он по ночам работал сторожем на птицеферме.

3) Специализация. Магистратура и докторантура

Одним из крупных недостатков нашей системы духовного образования является отсутствие специализации, селекции студентов в соответствии с их научными интересами. Такая селекция прежде всего необходима в духовных академиях, которые призваны готовить богословов и специалистов в различных областях церковной науки. Но и в духовных семинариях следует создавать условия для того, чтобы студент мог работать над теми областями богословской науки, которые ему наиболее интересны.

При существующей ныне системе курс обучения в российских духовных семинариях продолжается 4 года и затем в академиях 4 года. Учебные программы построены так, что академия в значительной степени дублирует семинарию. Такая система малоэффективна, и, как кажется, руководство духовных учебных заведений это понимает. Поэтому готовится реформа духовного образования. Мой вопрос заключается в том, насколько широкомасштабной и кардинальной будет эта реформа. Если мы ограничимся лишь «косметическим ремонтом» здания нашего духовного образования, боюсь, что никаких существенных сдвигов добиться не удастся.

На мой взгляд, идея специализации должна быть ключом к предполагаемой реформе. Уже в духовной семинарии, готовящей пастырей Церкви, должны существовать возможности для углубленного изучения тех областей церковной науки, в которых студент будет работать в магистратуре и докторантуре духовной академии. В магистратуре (академии), готовящей богословов-преподавателей духовных школ, студент сосредотачивается на своем предмете, будь то библеистика, патристика, церковная история и т.д. При этом в течение первого года он должен посещать лекции по дисциплинам, непосредственно связанным с избранной им темой, а в течение второго года — писать магистерскую работу. В докторантуре (аспирантуре), готовящей специалистов высокого класса в различных областях богословской науки, студент занимается только самостоятельной работой и написанием диссертации на избранную тему.

Научный руководитель диссертанта должен индивидуально заниматься со своим учеником на регулярной основе. Научный руководитель не должен быть оппонентом на защите диссертации, написанной его учеником.

Диссертации — как магистерская, так и докторская — должны оцениваться исходя из их качества, а не из количества страниц. В наших

духовных академиях иногда представляют на соискание магистерской степени восьмитомный труд, посвященный богословию какого-нибудь церковного автора; при этом первые четыре тома составляют пересказ основных сочинений этого автора, а последние четыре — «симфонию» по его трудам (то есть тот же материал, только организованный тематически). Научное значение такой диссертации, по сути, равно нулю, но труд в нее вложен немалый. Оппоненту тоже не так легко найти время, чтобы прочитать восемь томов; в результате в некоторых духовных академиях магистранты дожидаются своей защиты по нескольку лет.

По моему мнению, объем диссертаций не должен превышать определенного максимального количества страниц: например, 50—60 тысяч слов (200—250 страниц) для магистерской диссертации; 100—120 тысяч слов (400—500 страниц) — для докторской. Если у автора есть оригинальные идеи, он сумеет уложиться в этот объем; если нет, ему лучше вовсе не садиться за написание диссертации.

Разумеется, при подготовке диссертации автор должен учитывать не только труды по данной теме на его родном языке, но и всю западную литературу. Для этого необходимо знание европейских языков. Пора нашей богословской науке выходить из гетто и вступать на то поле, на котором уже работают другие ученые мира; пора нам учиться работать рука об руку с западными учеными. Только так мы сумеем воспитать поколение высококвалифицированных богословов и радикальным образом поднять уровень нашей богословской науки.

4) Обмен студентами. Обучение за границей

Важным фактором, который способствует расширению духовного и научно-богословского горизонта учащихся православных духовных школ разных стран, является обмен студентами между этими духовными школами. Мне кажется, что такой обмен должен быть поставлен на более регулярную основу.

Не менее важно посылать студентов учиться богословию в заграничных светских и инославных учебных заведениях. В этом смысле я хотел бы привести в пример Румынскую Православную Церковь, которая ежегодно посылает студентов в лучшие университеты мира, такие как Оксфорд, Кембридж, Сорбонна, Принстон, Гарвард, Тюбинген, Гейдельберг.

В Русской Церкви, напротив, существует паническая боязнь всего западного, всего инославного и иностранного. Руководство наших духовных учебных заведений не любит посылать людей учиться за границу, в особенности на Запад, из страха, что студенты там «окатоличатся». Но какова цена Православия, если оно «окатоличится» при первой же встрече с Западом? Если студенты «окатоличатся», виноваты в этом прежде всего преподаватели православных духовных школ: это они не сумели воспитать студентов в православном духе.

Приведу простой пример. Среди украинских священников, которые в последние годы перешли в униатство, есть немало выпускников российских духовных школ. Их никто не посылал на Запад, воспитывали их в духе непримиримости и фанатизма, а вот — они взяли и «окатоличились»! Значит, проблема не в том, что мы пошлем студентов учиться куда-то не туда, а в том, что мы сами их учим чему-то не тому.

Я, со своей стороны, считаю, что нам (имею в виду Русскую Церковь) следует посылать на Запад по двадцать студентов ежегодно. Даже если из них трое не захотят вернуться в Россию, а двое и вовсе «окатоличатся», пятнадцать вернутся и будут преподавать в наших духовных школах. При таком подходе наша богословская наука существенным образом изменится к лучшему в течение десяти лет.

5) Физическое воспитание

В российской духовной школе физическим воспитанием студентов пренебрегают как чем-то принципиально несовместимым с «духовностью». В результате студенты выходят из духовной школы с различными болезнями и недомоганиями, от которых им не удается избавиться в течение всей последующей жизни.

Почти у всех студентов портится зрение за несколько лет обучения в духовной школе. В одной из самых крупных духовных семинарий России на столах у студентов нет настольных ламп. Тех тусклых ламп, которые висят на потолке высотой 5 метров и из которых половина обычно не работает, явно недостаточно. Студенты просиживают в классе по 9 часов ежедневно: естественно, их глаза не выдерживают, и зрение слабеет.

Я уже не говорю о том, что в некоторых духовных семинариях студенты спят в казармах на десять, двадцать, а то и более человек, что тоже разрушительным образом сказывается на их здоровье. Я понимаю, что не всякая семинария способна обеспечить студентов помещениями, но мне кажется, что в этом отношении можно было бы делать больше, чем делается сейчас.

Очевидно, руководству православных духовных школ следует специально озаботиться физическим состоянием учащихся. У семинаристов должно быть волейбольное или футбольное поле, должна быть возможность посещать плавательный бассейн.

Тем, кому кажется, что занятия спортом несовместимы с духовностью, хотелось бы напомнить слова Климента Александрийского: «...Полезны для юношей гимнастические школы... Они укрепляют здоровье молодых людей... (способствуют) развитию не только телесного, но и душевного здоровья... Из мужчин одни могут... заниматься борьбой, другие играть в мяч, особенно на открытом воздухе» [12].

Мне вспоминается студент одной из духовных школ, который каждое утро занимался бегом: это вызывало постоянное негодование

администрации. А студент был в прошлом спортсменом. Он говорил мне, что если хотя бы два-три дня не побегают, у него начинало отекает тело и болеть сердце.

Я глубоко убежден в том, что «духовность» не должна быть убийственной для тела, и духовное образование не должно физически калечить людей. А потому руководству духовных школ не следует пренебрежительно относиться к физическому воспитанию учащихся.

б) Дисциплина. Отношение преподавателей к студентам

Хотел бы особо остановиться на методах дисциплинарного воздействия, существующих в наших духовных школах. Эти методы в совокупности составляют то, что обычно называют «палочной дисциплиной». Основой палочной дисциплины является систематическое насилие над личностью студента.

Все в духовных семинариях является обязательным. Обязательно посещение лекций, обязательно участие в богослужениях, обязательно хождение на трапезу, обязательна «самостоятельная подготовка» в течение трех часов ежедневно. Стоит студенту проспять утреннюю молитву, как ему снижают балл по поведению и, следовательно, размер стипендии. Если же он пропустит молитву дважды или трижды, ему грозит исключение из духовной школы.

Особо скажу о том, что называется «самостоятельной подготовкой». Представьте себе класс, в который можно войти, но из которого нельзя выйти. Внутри, в течение трех часов, сидят студенты, прикованные к своим партам. Они уже просидели в этом классе на лекциях с девяти часов утра до трех часов дня, а теперь — с пяти до восьми — они обязаны заниматься «самостоятельной подготовкой». Эта подготовка на деле заключается в том, что кто-то разговаривает, кто-то разучивает песнопения к субботней всенощной, кто-то штопает брюки, кто-то спит, сидя за партой. В классе шумно и душно. Работать в такой обстановке, разумеется, невозможно. Почему бы не разрешить студенту позаниматься в библиотеке, или в саду, или еще где-нибудь в тихом, спокойном месте? Нет, студент обязан «отсидеть» свои три часа в классе, чего бы это ему ни стоило.

Распорядок дня в духовных школах построен таким образом, что студент практически лишен свободного времени. Но даже своим свободным временем он распорядиться не может. Чтобы выйти в город, он должен спрашивать разрешение начальства. Получить разрешение на то, чтобы съездить к родителям, живущим в другом городе, всегда трудно. Даже уехать на похороны близкого человека далеко не всем и не всегда удается.

Некоторые духовные семинарии России представляют собой нечто среднее между монастырем, армейской казармой и бурсой прошлого века. В бурсе дисциплину обеспечивали сами студенты: из их числа назначались «старшие спальные» и «старшие дежурные» (следившие за поведением своих товарищей вне класса), «цензоры» (следившие за поведением в

классе), «авдиторы» (проверявшие знания других студентов) и «секундатор» («ученик, который по приказанию начальства сек своих товарищей») [13].

В нынешних духовных семинариях система, может быть, несколько упростилась, но сущность осталась та же. «Ничто так не оподляет дух учебного заведения, как власть товарища над товарищем», — писал Помяловский [14]. Именно на власти товарища над товарищем построена система обеспечения дисциплины в нашей духовной школе. Из числа студентов избираются «помощники инспектора», которые следят за поведением других студентов. У помощника инспектора самые разнообразные функции, но главная из них — функция доносителя. Помощник инспектора, со своей стороны, может привлекать в качестве доносителей других студентов: они будут информировать его о том, что происходит с их собратьями. Таким образом, студентов систематически приучают к подлости.

От помощника инспектора зависит многое. Если ему не нравится тот или иной студент, он может регулярно жаловаться на него начальству до тех пор, пока этого студента не отчислят из духовной школы. Зато, подружившись с помощником инспектора, студент будет иметь самые разнообразные льготы — внеочередные увольнения в город, право на свидание с любимой девушкой, и т. д.

Если помощник инспектора имеет огромную власть над студентами, то сам инспектор (он назначается из числа преподавателей) обладает властью почти абсолютной и неограниченной. Он имеет право в одиннадцать часов вечера войти в комнату к аспиранту духовной академии и, увидев его сидящим с книгой в руках, погасить свет со словами: «В это время суток Вы должны быть в горизонтальном положении». Инспектор имеет право в отсутствие студента обыскать его комнату; имеет право просмотреть книги, которые читает студент, и дневники, которые он пишет. От инспектора в буквальном смысле слова зависит судьба студента. Именно инспектор выносит вердикт относительно «благонадежности» студента. Именно по его рекомендации, как правило, отчисляют студента из духовной школы.

Как-то мне пришлось присутствовать на заседании «воспитательского совета» одной из духовных школ. Речь там шла о студенте, которого я знал еще до его поступления в семинарию. Инспектор сказал: «Не нравится мне этот студент со своей солдатской походкой. Предлагаю его отчислить». Я тогда сказал: «У него солдатская походка потому, что он до семинарии окончил военное училище». Студента, по моему настоянию, не отчислили. Но если бы я случайно не оказался участником заседания и, так сказать, невольным свидетелем самоуправства инспекции, его бы наверняка отчислили — не за то, что он не нравился инспектору, и не за то, что у него солдатская походка, а за «нарушение дисциплины».

В наших духовных семинариях редко отчисляют студентов за плохую успеваемость: чаще всего отчисляют именно за «нарушение дисциплины». Понятие же «нарушения дисциплины» столь широкое, что под него можно

подогнать все что угодно. Не полюбился студент начальству — вот и объявляют его «нарушителем дисциплины».

В крупных духовных школах дисциплинарные взыскания и отчисления из состава учащихся — дело ординарное и ежедневное. В одной из духовных школ на специальной доске каждый день появляются объявления или о снижении тому или иному учащемуся балла по поведению (студенты называют эти объявления «тропарями»), или об отчислении того или иного студента из духовной школы (так называемые «отпусты»). Администрации духовных школ ничего не стоит исключить из семинарии человека, проучившегося четыре года, за месяц до его выпускных экзаменов.

Есть два традиционных термина, заимствованных из монашеской традиции, при помощи которых осуществляется насилие над личностью студента в духовных школах. Эти термины — «послушание» и «благословение». Ими академическое начальство оперирует в самых разных ситуациях. Студент обязан все делать «по послушанию» и «по благословению».

Другой термин, которым злоупотребляет начальство духовных школ — «смирение». Древнецерковная монашеская традиция знала глагол «смиряться»; в духовных школах гораздо более распространен другой глагол — «смирять». Начальство «смирят» студентов самыми разнообразными способами. В дореволюционной бурсе студентов секли. В наши времена физические наказания и пытки запрещены, потому студентов секут морально. Инспектор, или помощник инспектора, может вызвать студента и подвергнуть его унижительному допросу по поводу тех или иных аспектов его личной жизни. Еще один способ «смирить» строптивного студента — каждые три дня переселять его из одной комнаты в другую, «чтобы не забывал, где находится».

Вообще любой преподаватель имеет право унижить и оскорбить студента как и когда ему вздумается. В одной провинциальной духовной семинарии России урок начинается с того, что преподаватель (между прочим, священник) зачитывает список присутствующих в классе учащихся, при этом намеренно коверкая их имена (например, «Смурнов» вместо «Смирнов», «Сучкин» вместо «Сучков», «Похабнов» вместо «Пахомов» и т. д.). И делается это с единственной целью — всех унижить, оскорбить и... «смирить».

Хотелось бы напомнить таким горе-преподавателям и горе-смирителям слова митрополита Сурожского Антония: «Одна из ошибок... в том, чтобы внушать человеку смирение, затоптав его хорошенько в грязь. Смирения этим не добудешь, потому что как тебя не топчи в грязь, даже если ты на самом деле червь, ты стараешься выбиться из-под каблука и только начинаешь злиться на того, кто топчет» [15].

Психологический прессинг, который испытывают на себе студенты духовных учебных заведений, бывает настолько сильным, что некоторые семинаристы вынуждены обращаться к психиатру.

Досточтимые инспекторы и преподаватели духовных школ! Не унижайте студента, не «смирятье» его, не издевайтесь над ним, не используйте свое служебное положение для надругательства над его личностью, не пытайтесь затоптать его в грязь, не стремитесь его духовно сломить. Вам ведь за все придется ответить — если не в этой жизни, то уж непременно в будущей. Студент — такой же человек, как и вы. С ним надо общаться на равных. Его надо называть на «Вы», а не на «ты»; по имени, а не по фамилии. Его надо уважать и любить. Не думайте, что, создавая искусственно пропасть между собой и студентами, вы вызываете в них большее уважение к вам. Студенты любят тех преподавателей, которые ни в чем не выказывают своего превосходства. Истинное уважение и истинная любовь могут быть только взаимными: они никогда не бывают односторонними.

Покойного отца Иоанна Мейендорфа уважали и любили не только за его обширные знания и энциклопедическую ученость, но прежде всего за то, что он умел обращаться со студентами на равных. Он никого не «смирлял», ни над кем не превозносился. Он, между прочим, не избегал неформального общения. Раз в неделю студенты Свято-Владимирской духовной семинарии собирались у него дома на кружку пива и беседовали на богословские и иные темы. Я не призываю преподавателей духовных школ распивать пиво со студентами, но, кажется, в том, чтобы пригласить учеников на чашку чаю, нет ничего зазорного.

Я глубоко убежден в том, что нам необходимо радикально реформировать всю систему обеспечения дисциплины в духовной школе. Необходим новый подход к студенту — более трезвый, более уважительный, более человечный, более христианский. Система, при которой инспектор и его помощники пользуются абсолютной властью над студентами, должна быть упразднена. «Власть товарища над товарищем» нужно искоренить. Насилие над личностью студента в духовной школе недопустимо. Нельзя, находясь на пороге XXI века, пользоваться средневековыми методами воспитания.

7) Монашеское присутствие в духовной школе

Скажу несколько слов о роли монашества в воспитании будущих священнослужителей. Как правило, в наших духовных семинариях монахи занимают руководящие должности — ректора, проректора, инспектора. Много монахов и в числе преподавателей. Кроме того, некоторые семинарии находятся в непосредственной близости от монастырей.

Последнее, безусловно, имеет многие положительные стороны. У студентов есть возможность обращаться к опытным старцам за духовным руководством, присутствовать за монашеским богослужением, непосредственно соприкоснуться с многовековой традицией православного иночества, встречаться лицом к лицу с ее лучшими представителями. Некоторые студенты по окончании семинарии или академии сами избирают монашеский путь.

Есть, однако, у монашеского присутствия в духовных школах и свои

отрицательные стороны. Прежде всего я думаю о том, что в монашеской среде существует некое традиционное недоверие к учености, нелюбовь к наукам. Архимандрит Киприан (Керн) в свое время писал о том, как трудно бывает ученому монаху найти достойное место в православном монастыре:

Положение его не только трудное, но и впрямь трагическое... Простецкая масса индифферентна к науке, совершенно чужда запросов и интересов этого ученого инока... Такого инока не понимают, заподозривают в непростоте, в неблагонадежности, его стесняют и даже преследуют. Появляется типичное деление: «Вы — ученые, ну а мы уж — толченые», и, конечно, толченость понимается как необходимый плюс ко спасению, а ученость как прямое препятствие. Отсюда парадоксальный вывод: обскурантизм есть необходимое условие для монашеского делания... Но разве смирение и молитва исключают науку? Разве благочестие мешает книге и просвещению?.. Наука — такой же подвиг; просвещение — такое же служение... Надо уметь ценить святость научного подвига... не противопоставлять творчеству спасение [16].

Я не буду говорить о том, почему в монашеской среде распространено недоверие к учености — это тема, заслуживающая отдельного разговора. Скажу лишь о том, что некоторые монахи считают своим долгом внушать отрицательный взгляд на ученость студентам духовных школ. Известны случаи, когда монахи-духовники «не благословляли» своих духовных чад продолжать обучение в духовной академии, так как это «не нужно для спасения». Даже среди монахов, преподающих в духовных школах, встречаются такие, которые стараются привить студентам нелюбовь к учености.

Другим отрицательным аспектом монашеского присутствия в духовных школах является то, что монах не всегда находит взаимопонимание со студентом, когда встает вопрос о вступлении последнего в брак. Как я уже сказал, администрация духовных школ у нас состоит по преимуществу из монахов. Студенты, напротив, в большинстве своем или уже вступили в брак, или озабочены поисками невесты. Конфликт между монашеской администрацией и студентом обычно возникает в том случае, когда последнему выпадет несчастье влюбиться. Такому студенту надо было бы давать больше свободного времени, идти на различные уступки, его надо было бы отпускать на свидания. Но монахам все это чуждо, они этого не понимают. Вот и начинают преследовать бедного влюбленного различными дисциплинарными взысканиями.

На территории одной из духовных школ России находится «регентский класс», в котором учатся девушки, надеющиеся стать (это, кажется, ни для кого не секрет) «матушками», т. е. выйти замуж за священника. Так вот, семинарист должен спрашивать благословение у инспектора-монаха всякий раз, когда ему захочется проводить воспитанницу регентского класса домой. Если же, не дай Бог, кто-либо донесет инспектору, что некий студент духовной семинарии где-то там «за углом» целовался с некоей воспитанницей регентского класса, тут уж не избежать формального разбирательства и снижения балла по поведению.

Зато когда студент оканчивает духовную семинарию, ему говорят: «Почему ты до сих пор не решил семейную проблему? Срочно решай и рукополагайся». И бедный студент, которого четыре года держали в клетке, начинает лихорадочно искать свою будущую «матушку». Но поскольку найти ее сразу не удастся, инспектор-монах (или духовник-монах) советует ему принять монашество. И вот студент становится монахом — не потому, что он к этому призван, не потому, что вся прежняя жизнь привела его к этому, а лишь потому, что не удалось вовремя жениться. В результате появляются монахи-неудачники: те, которые потом в монастырях «тянут лямку», т. е. прозябают без радости, без вдохновения.

Будучи сам монахом, позволю себе обратиться к тем монахам, которые возглавляют у нас духовные учебные заведения. Дорогие собратья! Духовная школа — это не монастырь. Не препятствуйте студентам жениться, не препятствуйте им ходить на свидания. Не думайте, что, плодя монахов-неудачников, вы оказываете добрую услугу нашему российскому монашеству. Наоборот, вы тем самым разрушаете его изнутри. Не говорю уже о том, что вы калечите судьбы людей. Пусть монахом становится тот, кто к этому призван. Прочим же создайте нормальные условия для вступления в законный христианский брак.

8) Благочестие

Важнейшей стороной учебного процесса в духовных школах является воспитание учащихся в истинно-христианском духе. Этому способствует ежедневная общая молитва утром и вечером, регулярное посещение богослужений.

Благочестивым, однако, невозможно стать «из-под палки». Как говорит пословица, «невольник — не богомольник». Принудительное участие в богослужении и молитве вместо того, чтобы укрепить в человеке веру, может ее ослабить или разрушить. Тем более — принудительные исповедь и причастие. А такое практикуется в некоторых наших духовных школах.

Я не призываю к тому, чтобы сделать участие в богослужении вовсе не обязательным для учащихся духовных школ. Но нельзя и принуждать к богослужению тех, кто по той или иной причине чувствует себя не в силах в каком-либо конкретном случае принять в нем участие. Должен быть вдумчивый, дифференцированный подход. Надо уважать личную духовную жизнь человека и понимать, что не всегда и не всякий в одинаковой степени готов к встрече с Богом. И уж во всяком случае исповедоваться и причащаться студент должен тогда, когда сам считает это необходимым. Вопросы, связанные с исповедью и причастием, студент должен решать со своим духовником: вмешательство начальства здесь совершенно неуместно.

Недопустима также практика, при которой начальство «назначает» студентам духовника. Выбор духовника — личное дело каждого учащегося.

Мне известны случаи, когда духовник, будучи в близких отношениях с

руководством духовной семинарии, сообщал начальству то, что он услышал на исповеди от студента. Нет необходимости говорить о том, что это — грех, за который каждый духовник будет держать ответ перед Богом.

Хотелось бы напомнить всем тем, на кого возложена забота о воспитании будущих священников в духе христианского благочестия, о той великой ответственности, которую мы несем перед Богом за душу каждого студента. Скажу прямо: ни принуждение к посещению богослужения, ни дисциплина, основанная на страхе перед начальством, ни поощрение доносительства и наушничества, ни принудительные «самостоятельные» занятия в душных классах — ничто из этого не способствует росту религиозности в среде студентов духовных школ. Скорее, наоборот. Не случайно ежегодно падает процент выпускников духовных семинарий и академий, которые принимают священный сан. Некоторые по окончании духовной школы предпочитают остаться мирянами; иные и вовсе отходят от Церкви.

Я не однажды встречал студентов духовных академий и семинарий, которые мне говорили примерно следующее: «Мы пришли сюда с такой верой, с таким огнем, с такой любовью к Богу, с такой преданностью Церкви, с таким горячим желанием учиться. Мы здесь все потеряли! Мы превратились в циников, для которых нет ничего святого».

Кто виноват в этом? В какой-то степени, наверное, виноваты сами студенты, не нашедшие в себе сил противостоять общему потоку. Но прежде всего виноваты в этом администрация и преподаватели, которые вместо того, чтобы возжечь в студентах огонь любви к Богу и Церкви, к учености и духовной жизни, погасили и то малое пламя, которое было в них до поступления в духовную школу.

Заключение

В 1914 году, заканчивая воспоминания о годах преподавания в Московской духовной академии, содержащие немало критических замечаний в адрес этого учебного заведения, профессор Н. Н. Глубоковский писал:

Никому не помня зла, не желаю быть ни суровым критиком, ни холодным судьей, а пишу с любовью благодарного сына, болеющего за мать... В моих словах есть достаточно настоящей правды. Но пусть она ни для кого не будет горькой и никому не колет глаза, поелику это не обличение озлобления и не укор вражде, а скорбный отзвук сердечного соболезнования и душевного благожелания [17].

С таким же настроением излагал я выше свои мысли о проблемах и задачах духовных школ на исходе XX столетия. Сказанное мною родилось из глубокой боли о том состоянии, в котором находятся духовные школы Русской Православной Церкви. И если кто-либо узнал себя в моем описании, прошу не обижаться: у меня не было ни малейшего намерения

кого-либо оскорбить или выставить на позор.

Картина, нарисованная мною, может показаться слишком мрачной. К сожалению, то, что я сказал выше, не является преувеличением: все это списано с натуры. Многое из перечисленного относится к числу болезней роста и, как я надеюсь, будет скоро преодолено. Но чем скорее — тем лучше! Если наши духовные школы вступят в XXI век радикально обновленными, это будет самым лучшим подарком от нас к 2000-летию Пришествия в мир Господа Спасителя.

Я глубочайшим образом убежден, что будущее наших Церквей зависит от того, чему и как мы учим пастырей в духовных школах. На преподавателях духовных школ лежит колоссальная ответственность. Воспитывать будущего пастыря — дело священное и прекрасное, но далеко не легкое. Оно требует кропотливого, вдумчивого, многодневного труда. Святитель Григорий Богослов пишет:

Кто же способен, словно некую глиняную скульптурку, изготавливаемую за один день, создать защитника истины, который стоит с ангелами, славословит с архангелами, возносит жертвы на горний жертвенник, священнодействует вместе со Христом, воссоздает создание, восстанавливает образ (Божий), творит для высшего мира и — скажу больше! — является богом и делает других богами? [18]

В заключение хотел бы обратиться к руководству и преподавателям православных духовных школ. Всечестные отцы, братья и сестры! Люди, которые поступают в духовные школы, в большинстве своем представляют из себя или чистое золото, или золото с серебром. Не дадим этому золоту потерять свой блеск, не будем давить в этих людях ростки самостоятельной мысли, не будем калечить их души палочной дисциплиной, палочным благочестием и бессмысленной зубрежкой. Дадим возможность нашим ученикам раскрыться в полную меру их духовного, интеллектуального и творческого потенциала. Не будем гасить в них огонь веры, но дадим ему возгореться еще сильнее — пламенем, достигающим неба. Не будем бояться, что студент выучит больше, чем мы сами знаем; наоборот, постараемся, чтобы наши ученики нас превзошли. Только так сумеем мы воспитать поколение достойных пастырей Церкви, которые поведут корабль церковный в XXI веке.

Хочу также обратиться к студентам духовных семинарий и академий. Дорогие мои братья! Если вам не повезло и вы попали в такую духовную школу, где учебная программа вас не удовлетворяет, не отчаивайтесь: составьте себе свою программу и по ней занимайтесь. Только не теряйте время, не теряйте бесценные дни, которые Богом даны вам для учебы.

Если вам говорят, что вы ничего не стоите и что ученость ваша никому не нужна, не верьте этому. Каждый из вас драгоценен в очах Божиих, и от каждого из вас зависит настоящее и будущее Церкви. Православная Церковь задыхается от того, что в ней не хватает богословов, которые сочетали бы в себе глубокие познания в различных областях богословской

науки с абсолютной и беззаветной преданностью церковному делу.

Если вам внушают, что ваш путь — монашеский, а ваша душа лежит к тому, чтобы вступить в брак, не слушайте непрошенных советчиков. Поступите так, как подсказывает вам голос совести.

Дорогие студенты! Изучайте Священное Писание, читайте творения Отцов Церкви, не уставайте пить из «источника знания», который содержится в богатейшем предании Православной Церкви. Изучайте древние и новые языки. Не бойтесь черпать и из сокровищницы светской учености. Но самое главное — неустанно возгревайте в себе тот огонь веры, который привел вас в Православную Церковь и в духовную школу. Не дайте ему погаснуть, даже если все вокруг направлено на то, чтобы угасить его.

[*] Доклад на консультации православных богословских школ в Белградском университете (Сербия), 16—24 августа 1997 г. Опубликовано в Вестнике РХД № 177. Париж, 1998. Сс. 39—82. Настоящий текст исправлен с учетом замечаний, сделанных ректором Московской духовной академии и семинарии епископом Верейским Евгением.

[1] Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947. С. 96.

[2] О молитве 61.

[3] Строматы 6, 7.

[4] Слово 26, 14.

[5] *Н. Помяловский*. Очерки бурсы. В кн.: *Н. Помяловский*. Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М.: «Художественная литература», 1988. С. 274.

[6] Философия культа. — Богословские труды № 7. М.: Изд. Московской Патриархии, 1977. С. 344.

[7] Сочинения в 5-ти томах. Т. 2. СПб., 1886. С. 181—182.

[8] Очерки бурсы. С. 383.

[9] О ересьях 101 (PG 94, 764—773).

- [10] Православное пастырское служение. Париж, 1957. С. 234—238.
- [11] Очерки бурсы. С. 273—275.
- [12] Педагог 3, 10.
- [13] *Помяловский*. Очерки бурсы. С. 245—246.
- [14] Очерки бурсы. С. 246.
- [15] О встрече. СПб, 1994. С. 176.
- [16] Ангелы, иночество, человечество. — Богословский сборник. Вып. II. South Canaan, 1955. С. 36—40.
- [17] За тридцать лет (1884—1914). — Церковно-исторический вестник № 2—3, 1999. С. 218.
- [18] Слово 2, 73.